

2013n
31

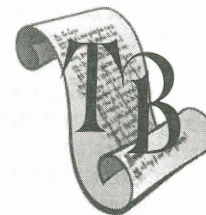
Российская академия наук
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российский государственный архив литературы и искусства

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
XX ВЕКА**

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ ВРЕМЕННИК

**ВОПРОСЫ ТЕКСТОЛОГИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**

КНИГА 2

МОСКВА — 2012

ББК 83.3(2рос-рус)
Т307

Основатель издания — Текстологическая комиссия секции языка
и литературы ОИФН РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект № 120416129д

Ответственный редактор — *Н. В. Корниенко*

Редколлегия:

*Акимова А. С. (секретарь), Быстрова О. В., Воронцова Г. Н.,
Галушкин А. Ю., Грачева А. М., Горяева Т. М., Матевосян Е. Р.,
Московская Д. С., Николаев Д. Д., Полонский В. В.,
Рожнецева Е. А. (ответственный секретарь), Терехина В. Н.,
Трубилова Е. М., Тюрина Е. А. (секретарь), Царькова Т. С.,
Шубникова-Гусева Н. И.*

Рецензенты:

доктор филологических наук *М. И. Щербакова*
доктор филологических наук *А. Г. Гачева*

Т307 ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ ВРЕМЕННИК. Русская литература XX века:
Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. — М.: ИМЛИ РАН,
2012. — 1072 с.

Второй выпуск «Текстологического временника» представляет уникальные материалы по истории русской литературы XX в., подготовленные ведущими отечественными и зарубежными текстологами и источниковедами. Авторами статей и публикаций являются исследователи, принимающие участие в подготовке академических собраний сочинений, изданий «Литературные памятники», «Литературное наследство», летописей жизни и творчества писателей и других трудов, за которыми стоит многолетняя работа в архивах, научная подготовка текстов, составление реальных комментариев и авторитетные научные публикации.

Вниманию читателей предлагаются исследования, выполненные на основе новых архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот и представляющих уникальные документы жизни и творчества русских писателей, литературного процесса и истории науки XX в.

Издание адресовано филологам и историкам, преподавателям и студентам — всем, интересующимся историей русской литературы XX в.

ISBN 978-5-9208-0385-6

ИРЛИ РАН
БИБЛИОТЕКА

© ИМЛИ РАН, 2012

© Коллектив исследователей, составление,
подготовка текста, комментарии, статьи, 2012

391687

I. ТЕКСТОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

8. *Мандельштам О.* Собр. соч.: в 4 т. М., 1993–1997.
9. *Мандельштам О.* Полн. собр. стихотворений. М., 1995.
10. Материалы // Архив Чаги-Харжиева, Городской музей Амстердама. Дело 15 [Archief Chaga-Khardzjev, Stedelijk Museum Amsterdam, inv. nr 155].
11. *Рудаков С.* Материалы об О. Э. Мандельштаме. СПб., 1997.
12. *Тарановский К.* О взаимоотношении ритма и тематики // American Contributions to the fifth International Congress of Slavists. Vol. I: Linguistic Contributions. The Hague. 1963. P. 287–322.
13. *Фрейдин Ю.* Неизвестный эпистолярный эпизод в творческой истории стихотворения Мандельштама «Не мучистой бабочкой белой...» // Вопросы литературы. 2005. № 5. С. 339–344.
14. *Штемпель Н.* Мандельштам в Воронеже. Воспоминания. М., 1992.

Алла Грачева (Санкт-Петербург)

О ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ИЗДАНИЯ «ДНЕВНИКА МЫСЛЕЙ» А. РЕМИЗОВА

Алексей Михайлович Ремизов¹ вел дневники на протяжении почти всей своей жизни. Имеются автобиографические сведения об уничтожении писателем своих юношеских записей такого рода. Краткие дневниковые заметки 1900-х — начала 1910-х гг. были использованы Ремизовым в книге «Кукха», посвященной Вас. Розанову. К сожалению, ныне они также утрачены. Из ранних дневников целостно сохранился Дневник 1917–1921 гг., ставший одним из источников романа-коллажа «Взвихренная Русь»². В нем краткие записи о ежедневных занятиях и встречах Ремизова сочетались с его оценками совершающихся исторических событий, с фиксацией снов писателя и его супруги — Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло, а также с набросками и планами литературных произведений. Уже с этого времени берут начало ремизовские дневники особого типа — графические, представляющие собой ежедневно пополнявшиеся альбомы рисунков. Пример такого творчества — известный альбом «Последний путь из России 1921 5 августа»³. В 1930-е гг. этот тип «дневников» доминировал — свидетельство чему хранящиеся в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН и РГАЛИ «графические дневники» — альбомы 1933–1940 гг.⁴

В годы Второй мировой войны Ремизов, остававшийся в оккупированном Париже, был всецело занят поисками средств к существованию и заботами об умиравшей жене, и поэтому прекратил ведение дневников, в том числе и графических. В позднейшей надписи на альбоме «Мой графический дневник. 20.IV.1940 — 16.VIII.1940» Ремизов отмечал: «Вынужден был прекратить: под угрозой обыска имени, хотя бы и приснившиеся, — отвечают. Я продолжал рисовать, но без подписей, в отдельных альбомах, а не на листах»⁵. К времени войны относятся лишь краткие дневниковые записи рубежа 1941/42 г., озаглавленные «Моя отходная». В них литератор отмечал: «Какая моя теперь жизнь... Урвал минуту — и слава Богу... Записываю, только записываю урывком. С ½ 9-го утра до ½ 9-го вечера по хозяйству: в очереди и на кухне»⁶.

С. П. Ремизова умерла 13 мая 1943 г. За несколько дней до ее смерти Ремизов вновь стал делать регулярные записи. Впоследствии он так охарактеризовал цель этого краткого дневника: «Начал я его, как отвезли Серафиму Павловну в госпиталь, для нее: встречи и сны, — взял я эту тетрадку и остановился: писать больше некому. И положил тетрадь к моей “Отходной”»⁷.

Новый непрерывный период ведения дневников начался с конца мая 1943 г. Первоначально их основной темой было осмысление жизни без любимой и поиски установления астральных (сновидческих) контактов с нею. Как примеры, можно привести записи, фиксирующие ремизовские видения 1943 г. Сновидение в ночь с 14 на 15 июня: «В первый раз видел во сне С. П.⁸ в белом. В ее комнате огромное окно и видно зарево. Мы оба в этой комнате, но странно, ее я вижу, хоть и рядом с собой, а как будто на дальнем расстоянии: лицо “в общих чертах”»⁹; видение в ночь с 3 на 4 сентября: «Оклик: А<лексей>, ты меня любишь теперь?»; видение в ночь с 10 на 11 сентября: «С. П. уезжает куда-то далеко, куда мне трудно проникнуть. “Как же, думаю, она будет и Пасху одна?”»; наконец, запись в ночь с 14 на 15 сентября: «Больно-больно».

Возобновившееся ведение дневников не прекращалось до ноября 1957 г. — до кончины писателя, который вел записи, несмотря на слепоту, прогрессирующую с 1953 г.

После смерти Ремизова его тетради с дневниковыми записями остались у литературной ученицы и одной из наследниц писателя Н. В. Кодрянской. Выполнив последнюю волю учителя — вернуть его наследие на Родину, — она передала их вместе с другими оставшимися у нее ремизовскими материалами в РГАЛИ (Москва). В настоящее время коллектив специалистов-текстологов готовит дневники Ремизова 1943–1957 гг. к изданию. Целью данной статьи является освещение принципов издания, а также ряда текстологических проблем, которые необходимо решать при подготовке рукописей данного типа.

Поздние дневники Ремизова — это произведения документально-художественной прозы особого рода. Кодрянская записала свидетельство авторского определения их жанрового подвида: «С октября 1943 года Алексей Михайлович снова записывает свои сны: “Дневник мыслей” (тридцать тетрадей). В двух первых тетрадях не только его сны, но и другие записи, главным образом о Серафиме Павловне»¹⁰.

Термин «дневник мыслей», обозначающий вид дневникового жанра, восходит к названию небольшого текста Л. Шестова, содержащего частично датированные записи рубежа 1919–1920 гг. — времени отъезда философа из России в Швейцарию. Шестовский «Дневник мыслей» был впервые опубликован только в 1976 г.¹¹, однако его рукопись, как очевидно, была известна Ремизову — близкому другу философа. Этот текст создавался в тот момент, когда мыслитель пробирался сквозь охваченную огнем Гражданской войны Украину в Крым, чтобы оттуда выехать в Европу. Однако внешняя сторона действительности (реальные передвижения Шестова-беженца) почти не отражена в дневнике. Его основное содержание — движение мысли Шестова-философа. Лейтмотивная тема — преодоление страданий человека силой его разума. Возможно, идея использовать определение, придуманное другом-философом, возникла у Ремизова в связи с обстоятельствами его жизни в 1940–

1950-х гг. В письме Н. Кодрянской от 27 января 1956 г. литератор отмечал: «Упорное записыванье — запись мыслей. Это, как на инструменте, надо упражняться. Надо что-то обязательно ежедневно. Мне так трудно писать, меня спасает утреннее записыванье снов»¹². Пожилой полуслепой, а в дальнейшем слепой писатель был обречен на безвыездное, а потом и безвыходное пребывание в стенах своей квартиры на улице Буало, куда с годами приходило все меньше посетителей. Зато ночью в сновидениях Ремизов был невероятно подвижен, совершал головокружительные путешествия, общался с массой живых и умерших друзей, как современников, так и творцов культуры всех времен и народов, наконец, в той, ночной жизни продолжал жить, разговаривать, странствовать вместе с постоянной спутницей — любимой женой. Неслучайно, автобиографический очерк «А.Р. (Дом, отмеченный войной)» (1955), посвященный характеристике быта, личности и образа жизни писателя, завершался так: «А этого никто не видит. До ночи далеко, когда без проводника и слепой белой палки, я выйду на волю — улицы, здания сновидений и люди из всех миров без времени, без счета лет»¹³.

Ремизовский «Дневник мыслей» 1943–1957 гг. представляет собой комплекс «общих» тетрадей в клетку, содержащих ежедневные записи. Они расположены на левой и правой сторонах разворота тетради. Слева — лапидарные записи: фиксация дневных событий, большей частью состоящая из перечисления посетителей квартиры Ремизова; из краткого перечня бытовых дел, а также из размышлений автора по волнующим его темам. Более богата событиями, встречами и свиданиями «жизнь», запечатленная на правой стороне разворота — это изложение содержания сновидений, увиденных писателем в ночь с такого-то на такое-то число. Друг писателя Н. Резникова оставила воспоминания о последовательности работы Ремизова над поздними дневниковыми записями: «За <...> дни и ночи, проведенные на рю Буало, я смогла хорошо узнать жизнь А. М. “за кулисами” — в те часы, когда посетителей у него не бывало. А. М. просыпался рано, было еще темно, вставал и выпивал чашечку крепкого черного кофе, приготовленную с вечера. Сразу садился за письменный стол и записывал свой сон, чтобы не забыть: образы сна развеиваются. Затем следовало бритье: ставил на тот же письменный стол четырехугольное зеркальце, горячую воду и тщательно, привычной рукой брился безопасной бритвой. После бритья А. М. пил чай с хлебом на кухне и сразу приступал к работе. На столе стояла круглая стеклянная чернильница, писал А. М. старым стилем, макая его в чернила, рисовал также»¹⁴.

Как показал анализ рукописи, утром Ремизов фиксировал свой сон, а потом в конце дня, или на следующее утро добавлял на противоположной стороне тетрадного разворота прошедшие события. С течением времени соотношение между фиксацией яви и сновидений менялось так: дневные записи все более сокращались, пока не стали входить в состав записи сна, как его малая, а подчас и окказиональная составляющая.

Текстологические проблемы, стоящие перед публикаторами «Дневника мыслей», можно условно разделить на два разряда. Первый из них — это собственно эдиционные проблемы, связанные с принципами подачи и расшифровки текста. Второй касается принципов и задач комментирования.

Остановимся на ряде узловых моментов каждого из указанных аспектов.

I. Вопросы эдичионных принципов подачи текста.

Главной научной задачей публикаторов «Дневника мыслей» является сохранение и воспроизведение в издании существующей в тетрадах четкой ремизовской системы соотнесения текстов, расположенных на правой и левой сторонах разворота тетрадного листа. Оказионально ряд левых «дневных» страниц остался не заполненным. Поскольку издание является аналитическим, а не факсимильным, пустые страницы не воспроизводятся. Данные о наличии такой незаполненной страницы, расположенной на правой стороне разворота листа, приводятся в подстрочном комментарии к парной заполненной (сновидческой) странице.

Датировка, имеющаяся на правой стороне тетрадного разворота (например, «1–2 П.») обозначает ночь с такого-то на такое-то число, ночь, которой соответствует запись сна. В рукописи временные привязки текстов левой (дневной) стороны осуществлены способом строгого графического параллелизма записей событий *двух дней* и заметок, расположенных на правой стороне и фиксирующих сюжет сна в *ночь с такого-то на такое-то число*. В рукописи возможность варьирования убористости почерка позволяла автору вмещать тексты разного объема в промежутки пространства левой страницы, строго соответствующие размерам хронологически соответствующей им записи сна на правой стороне разворота листа. В связи с неизбежной унификацией в печатном издании величины букв и возникающей из-за этого потенциальной вероятности смещения в соположении текстов правой и левой сторон разворота листа, составители пришли к решению указывать в подстрочном комментарии к каждой дневной записи, какой сновидческой дате она точно соответствует.

Как известно, начиная с середины 1920-х гг., Ремизов развивал свою «теорию русского лада»¹⁵, оппозиционно направленную против норм письменного литературного языка. В 1940-е гг. его интерес к следованию традициям устной народной речи, закрепленной в допетровской письменной традиции, усилился. В настоящем издании сохранена индивидуальная ремизовская система орфографии и интонационной пунктуации (авторское использование многоточия, тире, запятых, комбинаций из стандартных знаков, а также устаревшее правописание слов и прописных букв). Но в тех случаях, когда употребление или отсутствие знаков не несло грамматической или интонационной нагрузки, текст приведен к современным нормам пунктуации. Также исправлялись явные описки и несогласование падежей. Расшифрованы не имеющие семантического значения технические сокращения, часто используемые Ремизовым: «п. ч.» («потому что»), «т. к.» («так как») и др. Если сокращенный текст мог быть истолкован неоднозначно, расшифровка приводится в угловых скобках. Пропущенные слова восстановлены в угловых скобках. Для неразборчивых слов и фрагментов текста сделана помета <нрзб.> с указанием количества слов цифрой (<1 нрзб.>) и количества строк или абзацев словом и цифрой (<1 строка нрзб.>; <1 абзац нрзб.>). Текстологический комментарий к тексту расположен внизу страницы с буквенной нумерацией.

II. Принципы и проблемы историко-литературного комментария.

«Дневник мыслей» Ремизова создавался автором не для печати, поэтому он основан на индивидуально-авторской системе шифровки упоминаемых в нем лиц. Большинство из них обозначены инициалами: только фамилии, име-

ни и фамилии, имени и отчества, а также фигурируют под ремизовскими прозвищами.

Наиболее часто встречающиеся инициалы (например, «С. П.» — Серафима Павловна) в тексте не раскрываются. Все фамилии, а также наиболее часто встречающиеся инициалы и прозвища вынесены в аннотированный «Указатель имен», который имеет систему перекрестных отсылок. Неустановленные имена и нерасшифрованные инициалы приведены в «Указателе» без оговорок об их неverifiedности в данное время.

Специфика историко-литературного комментария «Дневника мыслей» заключается в многоаспектности типов комментирования частей, посвященных событиям реальности, и текстов сновидений.

1. Комментирование реалий и прямых литературных аллюзий.

Широко известные события, объекты, литературные и исторические персонажи не поясняются, если они не имеют специфики в тексте Ремизова. Литературные аллюзии комментируются цитатно, а также при помощи точных отсылок к цитируемым Ремизовым текстам.

Особую сложность представляло комментирование реалий повседневного существования русской эмиграции и особенностей быта оккупированного Парижа. Как показал дневник, сторонник лингвистической чистоты «русского лада» Ремизов не избежал языковой экспансии, которой подвергались российские эмигранты во Франции. Словарь его обывденной лексики включает в себя многочисленные, зачастую русифицированные французские заимствования. Большею частью эти лексемы записаны русскими буквами. Так, например, писатель точно фиксировал время и частотность бомбежек оккупированного Парижа союзными войсками. При комментировании трудности заключались, например, в раскрытии системы ремизовской шифровки характера и типов авианалетов, которые в дневнике писателя обозначены разными по количеству начальными буквами русифицированных французских слов. Так сокращения «А» или «ААА» — от «алерт» (фр. «alert» — тревога) — обозначали, сколько раз происходили ночные бомбардировки.

2. Выявление и комментирование частей текста «Дневника мыслей», ставших порождающим текстом для художественных произведений Ремизова.

С начала XX в. литератор обращался к разного рода документальным источникам, в том числе к автобиографическим документам (дневникам, записным книжкам, письмам), для создания своих произведений. «Дневник мыслей» сразу же стал использоваться писателем в тех же целях. Так, лирическая исповедь-признание в любви, которая представлена на «реальной» половине дневника 1943–1944 гг., была тогда же аккумулирована писателем при работе над текстом «Сквозь огонь скорбей» — частью его многолетней монументальной книги о жизни и личности жены «В розовом блеске». В дальнейшем дневниковые записи обеих сторон дневника (и реальность, и сны) были включены Ремизовым и цитатно, и в переработанном виде, в книги «Мышкина дудочка», «Мартын Задека», в повести из цикла «Легенды в веках» и др. В комментарии публикаторы сочли целесообразным не делать глухие отсылки — номинативные указания на произведения, основанные на тексте Дневника, а приводить точные цитаты из соответствующих источников. Например:

Дневниковая запись в ночь с 14 на 15 июня 1943 г.: «В первый раз видел во сне С. П. в белом. В ее комнате огромное окно и видно зарево. Мы оба в этой комнате, но странно, ее я вижу, хоть и рядом с собой, а как будто на дальнем расстоянии: лицо “в общих чертах”. А в другой комнате Чижов с каким-то неизвестным, они чего-то боятся».

Комментарий: Ср.: «В соседней комнате — мне и это видно через стену: Чижов с Бутчиком. <...> И знаю, чего-то они боятся, или, это ночь и свет: такой — лунный. <...> Мы стоим рядом лицом к окну: она в белом и вся светится: платье, лицо и руки — приподнятые руки — глаза и улыбка — в розовом блеске, такой блеск я помню у Рублева» (Ремизов А. *В розовом блеске*. С. 707).

Дневниковая запись в ночь с 2 на 3 июля 1943 г.: «Ночью в 3 часа вдруг услышал оклик С. П. «М-а!» — ласково. И уже спал после. А вдруг это сон, и я проснусь, и все как было в жизни, вернется».

Комментарий: Ср.: «Только в эту ночь, в первый раз за все 40 ночей вдруг слышу — так ясно и просто зовет... И уж наяву, прислушиваясь к моей звучащей памяти и в ней различая этот голос — он звал меня так ясно и просто, — и я подумал: “вот однажды на оклик проснусь, и все, что было, окажется только сон был”» (*В розовом блеске*. С. 707).

3. *Комментаторские проблемы, связанные со спецификой источника, как дневника яви и снов.*

Особый характер «Дневника мыслей» обусловил активное использование такого типа комментария, как объективное истолкование ассоциативных связей сна и действительности, порождающей тематику сновидений.

«Дневник мыслей» Ремизова 1943–1957-х гг., вслед за своим прообразом — «Дневником мыслей» Л. Шестова, представляет собой последовательную фиксацию авторского мышления образами, сцепления которых создают сюжеты сновидений. Современный психолог А. Налчаджян, специалист по изучению сновидений, отметил: «Использование в сновидениях механизма сгущения мыслей приводит к формированию образов-метафор. Такое сгущение осуществляется для подчеркивания чего-то или для создания специфического эффекта. В едином сновидном образе могут комбинироваться прошлое и настоящее. Спящий обходит логические и пространственно-временные связи для создания таких образов, которые лучше всего выражают его актуальные переживания. <...> Если обилие сновидений характерно для творчески одаренных людей, тогда можно выдвинуть гипотезу, согласно которой мозговые механизмы сновидений являются до некоторой степени и механизмами подсознательного творческого процесса. <...> Исходя из этого, мы считаем, что обильные сновидения не только положительно коррелируют с творческой одаренностью: сновидная психическая активность развивает творческие способности личности»¹⁶.

В «Дневнике мыслей» Ремизова сно-формы возникают как результат ряда мыслительных процессов.

В образах сновидений совершалась материализация практических жизненных проблем, наяву волнующих писателя.

Так, например, на рубеже 1940–1950-х гг. среди них одной из главных был вопрос о возможности вернуться на Родину — в СССР. Ремизов был в числе представителей русской эмиграции, в 1945 г. посетивших советского

посла в Париже (так называемый «обед у А. Е. Богомолова»). В 1946–1948 гг. он дружески контактировал с членами французского «Союза советских патриотов», печатался в газете «Советский патриот», взял советский паспорт. До начала 1950-х гг. идея «возвращения на Родину» витала в сознании писателя, и материализовалась в сюжетах его сновидений. При комментировании сюжетов снов, связанных с этой тематикой, важно выявить бессознательные ассоциативные связи сновидений.

Например:

Дневниковая запись в ночь с 14 на 15 марта 1950 г.: «Пришел человек с бумагой: меня вызывают в посольство. Бумага: лист, как кремовое желе, а буквы — мармелад. Так вид “кутьи”».

Комментарий: «...меня вызывают в посольство. Бумага: лист, как кремовое желе, а буквы — мармелад». — Тематика сна связана с посещением советского посольства 14 февраля 1945 г. и последовавшими отсюда щедрыми обещаниями благ (прежде всего, издания произведений), которые будут предоставлены писателю после его возвращения в СССР.

Дневниковая запись в ночь с 10 на 11 января 1953 г.: «Мы вернулись в Россию. Из залы видим: подъехал поезд, раскрылся товарный вагон: стоит И. И. Манухин, я к нему. И попал в бистро. Хозяин Соломон Сегаль (Вологда). Он отделил из пакета папиросы для меня. Теперь мы устроились. Надо отыскать уборную. Нашел. Но там Dominique Aury».

Комментарий: «Мы вернулись в Россию. ~ попал в бистро. Хозяин Соломон Сегаль (Вологда)». — Соединение темы возвращения в Россию с воспоминанием о С. Л. Сегале — знакомом Ремизова в годы его пребывания в вологодской ссылке (1901–1903 гг.).

При комментировании сновидений текстологической трудностью является жесткое соблюдение установки на принципиальный отказ от внесения элементов интерпретационного толкования текста. Так, вернемся к приведенному выше конкретному примеру. Читатель «Дневника мыслей», ознакомившись с комментарием к записи от 10/11 января 1953 г., далее сам может выявить мотивные связи между идеей Ремизова вернуться на Родину, упоминанием о товарном вагоне, в каких перевозили заключенных, и воспоминанием о человеке, известном писателю по давней ссылке. Таким образом, и это неоднократно встречается в ремизовских снах о России рубежа 1940–1950-х гг., мотив Родины соединяется с мотивом опасности, предательского заманивания сладкими обещаниями. В данном сновидении, как и в ряде других, происходила кристаллизация мысли о невозвращении, чем и закончились мечты Ремизова о репатриации. Однако данный вывод относится к разряду интерпретации, которая является вполне доказательной и уместной в научной статье, но не в историко-литературном комментарии.

Другой пример комментирования с отказом от потенциальной интерпретационности.

Дневниковая запись 23–24 января 1949 г.: «Делаю цветные конструкции. Я все хочу довести сочетание красок до того напряжения, ч<то>б<ы> конструкция зазвучала.

П. Щеголев с упреком: “Слышал, слышал, были на обеде?” Я оправдываюсь: “Вспоминали вас”».

В Египте, как рисуют пирамиды, песок. Кто-то говорит: “Видели Диксона, вылез из автомобиля”.

С. П. Я все боюсь, ну-ка спросит что-нибудь дать ей из архива. Она не знает, что весь архив мой находится у К. И. Солнцева, а Солнцев уехал в Америку».

Комментарий: «С. П. ~ не знает, что весь архив мой находится у К. И. Солнцева, а Солнцев уехал в Америку». — Мотив сна навеян беспокойством Ремизова за судьбу своего архива 1920–1945 гг. В 1947 г. он передал его эмигранту, выпускнику Императорского Санкт-Петербургского Археологического Института К. И. Солнцеву, который хотел организовать в Париже Архив русской эмиграции по образцу Русского культурно-исторического архива в Праге, прекратившего свое существование после 1945 г. Неожиданно для Ремизова Солнцев эмигрировал в США, забрав с собой архив писателя без уведомления последнего. Ныне данная часть архива Ремизова находится в Центре русской культуры Амхерст-колледжа (США).

Характеризуя текст данной записи, можно отметить, что вопрос Щеголева о некоем обеде можно истолковать как память об обеде в советском посольстве в 1945 г. Участие в нем неоднократно негативно припоминалось Ремизову антисоветски настроенными представителями эмиграции. Также общеизвестна слава историка литературы П. Щеголева — друга Ремизова еще со времен вологодской ссылки, как поклонника Бахуса и гастронома. Однако представляется, что подобные разъяснения будут относиться к разряду интерпретационных толкований и также могут быть материалом для статьи, но не для комментария.

Во-вторых, в сновидениях происходил творческий процесс обдумывания и писания литературных произведений. В данном случае комментарий в основном носит отсылочный или цитатный характер, указывая части и мотивы произведения, первоначально отраженные в сноформе.

Например:

Дневниковая запись в ночь с 29 на 30 декабря 1949 г.: «Хожу по фразам: я их не глажу, а углубляю. Они из глины или бархат.

Думал сквозь сон, как поправить в “Грудцыне”, чт<обы> звучало “смирись”.

“Любовью не жертвуют, сказал Савва, — любовь покрывает и самый грех”. — “Смирись”».

Комментарий: «Любовью не жертвуют ~ “Смирись”». — Ср.: «“Любовью не жертвуют, сказал Савва, любовь покрывает и самый грех!” — “Смирись!”» (Ремизов А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 6. Лимонарь. М., 2001. С. 333 <в издании введено сокращение: Ремизов VI с указанием номера страницы>).

Дневниковая запись в ночь с 10 на 11 февраля 1949 г.: «И тут я провинился. И из глубины смотрю: я спрашиваю себя: “Может ли меня (Раймонда) видеть Мелюзина или она поднялась так высоко на скалу, откуда я пропал из ее глаз?” И слыша, такого я никогда не слышал: музыка — из розового выблискивает. И понимаю: это заря, куда скрылась Мелюзина: это ее голос. Помнят о чем-то в беде. Я ее всегда буду помнить, моя жизнь безрадостна, а она? Поляница Мелюзина криком возвещает о грозящей беде. Она меня вспоминает — вот этой музыкой зари — я ее слышал».

Комментарий: «Может ли меня (Раймонда) видеть Мелюзина ~ музыка — из розового выблискивает ~ вот этой музыкой зари — я ее слышал». — Ср.: «Глубоко под землей видит он себя. Кругом стена земля. Выхода нет и нет птицы-мечты, которая подымет из ямы и вынесет его на свет. / “Мне ее как позабыть!” говорит он глухой стене. <...> Черным прошло по его глазам. И он ослеп. И слышит: из розовой зари выблискивалась песня — ее голос. Беду она предвещала, остерегая, или вспомнила о нем — о их неразделенной любви, чего не вернуть» (Ремизов VI. С. 381).

В снах, посвященных подсознательному обдумыванию трагических коллизий произведений цикла «Легенды в веках», почти всегда прочитывается автобиографический подтекст — горечь от утраты С. Ремизовой-Довгелло. Так в тексте сна, касающегося повести «Мелюзина», отчетливая параллель «розовая заря» — «в розовом блеске» (название книги о С. П.). Однако представляется, что педалирование в комментарии метасюжета «Легенд в веках» (смерть любимой) — это тропа, ведущая к широкой дороге интерпретационности.

Примеры подобного самоограничения, необходимого при комментировании текстов сновидений, можно множить и множить. Публикация «Дневника мыслей», несомненно, даст материал для многочисленных статей как историко-литературного, так и гипнологического характера.

Таким образом, можно повторить, что при комментировании ремизовских сновидений основной текстологической задачей является отказ от интерпретационности и превращения комментария в «толкование» сновидений.

Историко-литературный комментарий располагается в конце текста каждой публикуемой тетради с нумерацией арабскими цифрами и сквозной системой отсылок к комментарию в предшествующих тетрадях.

Фактически «Дневник мыслей» Ремизова стал последним «произведением» под конец уже совершенно слепого писателя. Последнее создавало определенные трудности публикаторам, расшифровывающим строки, находящие друг на друга или процарапанные ручкой без чернил. В записи от 15 июня 1957 г. Ремизов отмечал: «Заканчиваю дневники — последние долги живой жизни. Записи с возвращающимся дыханием, что “надо терпеть”. И оканчиваются отчаянием из [1 нрзб.] “Куда мне деваться!” / Я вижу стиснутого глухой стеной — не двинуться, ни протиснуть руки — замурованный застенок. В упорном терпении с прорывом отчаяния проходит жизнь: к состоянию [1 нрзб.] напишут потом “после и” “после мучительной болезни тихо скончался”. / В записях дневника нет никаких событий и только выблиск мыслей. И нищая молчаливая просьба слепого: “почитайте!” И это так понятно: “набраться чужих мыслей” и выйти в отразившуюся в них жизнь»¹⁷.

«Дневник мыслей» Ремизова имеет значительную ценность и с художественной, и с документальной стороны. Соединение в нем дневной и ночной составляющих позволили автору представить широкую панораму русской культуры Серебряного века, художественной жизни и быта русской эмиграции первой волны. Дневник также является творческой лабораторией писателя, причем он будет интересен как литературоведам, так и психологам. Монументальное создававшееся на протяжении многих лет произведение экспериментального жанра ставит перед публикаторами многочисленные, подчас уни-

кальные текстологические задачи, что ведет к выработке новаторских решений при сохранении верности классическим принципам научной эдидционной практики.

¹ Настоящая статья выполнена по гранту РГНФ № 10-04-00165а.

² См.: Ремизов А. Дневник 1917–1921 гг. // Ремизов А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. Взвихренная Русь. М., 2000. С. 423–533.

³ РО ИРЛИ. Ф. 256, оп. 1, ед. хр. 44.

⁴ Например: Ремизов А. Мой графический дневник. 20.X.1939–19.IV.1940 // РО ИРЛИ. Ф. 256, оп. 1, ед. хр. 46.

⁵ Ремизов А. Мой графический дневник. 20.IV.1940–16.VIII.1940 // РО ИРЛИ. Ф. 256, оп. 1, ед. хр. 49, л. 1.

⁶ Ремизов А. Моя отходная / публикация и вступ. статья А. Грачевой // Блоковский сборник. XVI. Александр Блок и русская культура первой половины XX века. Тарту, 2003. С. 192.

⁷ Ремизов А. В розовом блеске. М., 1990. С. 705.

⁸ По свидетельству мемуаристов, в личной жизни Ремизов и его супруга всегда называли друг друга по имени и отчеству. В книгах, основанных на фактах биографии жены, писатель выводит ее или как «Серафиму Павловну», или под придуманным ею самоназванием — «Оля». В дневниковых записях Серафима Павловна всегда обозначается начальными инициалами имени и отчества.

⁹ Здесь и далее «Дневник мыслей» Ремизова цитируется в тексте по автографам (РГАЛИ. Ф. 420, оп. 6, ед. хр. 31–60).

¹⁰ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959]. С. 20.

¹¹ Шестов Л. Дневник мыслей // Континент. Париж, 1976. № 8. С. 235–252.

¹² Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 398.

¹³ Цит. по изд.: Грачева А. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950-е годы). СПб., 2010. С. 295.

¹⁴ Резникова Н. Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 108.

¹⁵ Подробнее см.: Грачева А. Собинные друзья протопопа Аввакума (А. Ремизов — П. Паскаль — В. Малышев — А. Панченко) // А. М. Панченко и русская культура: сб. СПб., 2008. С. 353–362.

¹⁶ Налчаджян А. Ночная жизнь. Личность в своих сновидениях. СПб., 2004. С. 39, 117.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 420, оп. 6, ед. хр. 79, л. 34–35.

Приложение

В приложении публикуются избранные тексты дневниковых записей Ремизова. Тексты печатаются по автографам (РГАЛИ. Ф. 420, оп. 6, ед. хр. 31–60).

* * *

Параллельно записи 25–26 XII 1943

Я вдруг понял, почему я все эти 8 месяцев всякую ночь пробуждаюсь и не могу заснуть. Так лежу с час и больше. Это мои глаза — моя память. Я вижу С. П. в мертвецкой. И этого я никогда не изживу.

Еще я помню отца в гробу во время отпевания, помню пожар Сахарного завода и все, что поразило меня, и разница в том, что то (и пожар, и отец, и собачонка Розик, и какая-то женщина на углу 14 л<инии> В<асильевского> о<строва> — в «Взв<ихренной> Руси») живо в моей памяти, возникает и пропадает.

* * *

Параллельно записи 20–21 VII 1944

Глядя на дела Божьего мира спрашиваю себя: «Где же свет миру?»

И то, что называется «свет миру», свет ли им греет в нашей бессрочной каторге или в нашем скотском быту. А то, что называется тоже светилami мира, просвещением, каковы его дела в Божьем мире, где сердце ожесточается от жестокости не звериной, а человеческой.

Два лика: один говорит: возненавидев, оставь, а другой: приидите ко мне.

* * *

22–23 I 1946

Приехали в Россию. На улице — Москва, Маросейка. Я без белой трости. Как-то встретили и смотрят недоумевающее, и я себя вижу: я в шляпе «лодочкой». Они понимают, что я «чужой». Вижу какие-то Мамченки; но они меня не замечают. Возвращаются. С ними Чичибабин. Как в <1 нрзб.>: все ряды. И какой-то догадался, что мы «приезжие». И на стул Чичибабину положил «семечки» — знак особенного уважения — так надо понимать. Я говорю С. П.: «Как же нам теперь? Надо прописаться». И думаю, я как-нибудь устроюсь, а вот ей будет трудно. Надо ведь ходить куда-то.

* * *

27–28 XII 1947

Милюков, он же и Бунин, наклоняясь: «Где библиотека Ремизова?» Лицо у него красное. А потому, что мы уезжаем в Россию <курсив А. Р. — А.Г.>. Эренбург и И. П. Кобеко.

* * *

Параллельно записи 21–22 VII 1948

Как-то все успокоилось — разместилось. О себе скажу, я вдруг посмотрел на прошлое, а это много значит. Стало быть, остыл. Я был прав, конечно, и смешно, искал невозможного и даже создал этот образ «нереальный». Тут появился Ладинский: сухарь с воображением, не дурак, и показывает свои «римские» рукописи. А я думаю: «второй сорт». И опять чувство, как бывает после смерти «знаменитости» — «вечная память», под которой чувство освобождения и Бог с тобой, надоел вот как или порядочно.

* * *

18–19 X 1948

Оканчивая «Стефанита и Ихнелата», меня вдруг осенило: слезы Ихн<ела-та> открыли мне разгадку — С<тефанит> и И<хнелат> — это дружба (самоубийство Стеф<анита>) «увенчана», а Лев и Телец, хороша дружба: наговор

«следящего» Льву на Тельца и Тельцу на Льва разрушил до убийства Тельца: друг друга, а не друг убил себя, предвидя гибель (смертная казнь) друга.

Вот эта мысль закрыла мой сон. Я все просыпался и схватывался: не позабыть бы.

* * *

27–28 VIII 1949

С. П., но она не умерла. И вообще люди не умирают, а их закапывают живыми. Я простился. И вышел. И проношусь — лечу низко по дороге. И вижу: лежат рядами, наряженные в белое — такая форма — обреченные смерти. И С. П. лежит, затихшая. И теплый свет освещает ее. «Хорошо, что тепло, — подумал я, — а зимой?» И дальше лечу.

И опять по дороге белое, но это не белые цветы — узнал от П. Е. Щеголева — это мои письма.

* * *

21–22 X 1949

На приеме у Сталина. Во время его разговора я подошел поздороваться. Потом в вагоне. Мы с С. П. И опять его вижу, я прочитал строчку из моего, ему очень понравилось. И в третий раз большой прием, и я решаю, поговорю об издании моих книг. Нам дали столик. И подано блюдо — сверху чай. Мочульский поднял салфетку, а там торты. И надо подняться, и там, «под колоннами» что-то еще. С. П. узнала: по дороге, далеко, но видно — Блок. С. П. поднялась, а я все топчусь на лестнице.

* * *

16–17 XI 1949

А. Н. Веселовский показывает мне большой том — только что вышло его новое исследование. Как раз то, о чем я мечтал: его разыскания «русского лада» (синтаксис).

Какая-то блестящая усыпанная осколками дорога. Я иду посреди улицы. Навстречу какой-то тоненький, развязный с дамой. Это какие-то перевязанные куски, какие-то черствые мякиши и от того, что улыбается, еще стала обветшалее вся и куски разламывает...

Я говорю ее спутнику: «Вы один только и остались тут, все уехали...»

* * *

7–8 I 1950

Заснул после 6-и утра и вот 11 ч<асов> утра. Такая беспробудная сонь. Тихо плыл без пристанища, путь ровный и берегов не видать, думаю.

«Проснуться во сне!» — так теперь думаю, а в мертвом сне возможно ли пробуждение?

* * *

6–7 II 1950

Скучный сон. Вижу: мне снится во сне тетрадь со старыми моими снами, о которых забыл. Словесные кубики и мало чем отличаются друг от друга. А из середины лезет В. Ф. Зеелер.

* * *

2–3 IV 1950

Слова — ряд слов — поток слов и в этом непрерывном — клубок, который я не мог бы разломить пальцами — свинцовый. И он попадает мне под руку, когда перебираю слова, как четки.

* * *

26–27 VIII 1950

Выделился Бердяев: тонкий, молодой — воздушный, и не идет, а как плавающая, передвигается. Со мной ласково — и все ему удивительно. Я понимаю: попал на землю.

М. В. Сабашникова и тоже выделилась из круга, но она не такая воздушная, как Бердяев. Я понимаю, она живая. Со мной заботливая.

С С. П. в комнате. Устроена перегородкой. Висят на веревке игрушки и украшения, как у меня когда-то. Я знаю, что это осталось от умершего, кого — не знаю. И С. П. показывает — выползают маленькие черви.

* * *

3–4 XI 1950

Мысль может снять сон. Задумавшись, заснул. И не мог выйти из застроенного дома (я понимаю: дом, где живут мысли). Это вовсе не светлые просторные комнаты, а все запутано и перепутано, только уголки расчищены. Попадешь, не выберешься.

А кругом дома бушует буря.

* * *

22–23 IV 1951

Читаю текст — то, чего не могу днем, здесь для меня ясно: отчетливо бегут строчки. Текст трудный: фраза начинается «с конца». Чтобы понять, надо перечитывать и по привычному обернуть текст о Муромск<их>: Петре и Февронии. Оказывается, муж Евпраксии болен, а летящий змей принимает образ Петра.

* * *

2–3 VIII 1951

Рукописная книга. Чтобы выделить то, что пишу про себя и чему придаю значение, освещено зеленым, я различаю деревья. Из текста глаз переступает ногами на землю. И снова переходит в текст. Я повторил — все стройно — отлив зелени и земля. Н. Резникова говорит: «напрасно вы мне расчет о продаже “Бесноватых” написали».

* * *

10–11 XI 1951

Я, одновременно, и кошка, и мышь. И наблюдаю за собой, стоя в дверях. Из гард-манжэ смотрит на меня усатая рожица с блестящими глазами и перед ее глазом черной искоркой взблеснула мышь.

Отхожу от дверей. «Сам себя упустил!» Она живет далеко (мышь?). Но я доберусь до нее во-что-бы-то-ни-стало.

Еду в поезде. На остановке вышел. Тут говорят: началась война. Спешу выпутаться. Весь я застегнут и соединен петлями с вагоном. «Сейчас поезд, — говорят, — скорее!» А я не могу выпутаться — весь в пуговицах.

* * *

8–9 XII 1951

Моя комната, стол, но очень длинная, дверь так далеко и за народом не видно, очень много собралось народу.

У стола ближе всех Гитлер. А в самом конце «русский генерал», похож на В. В. Сухомлина. Прячется: неловко с Гитлером. Гитлер сидит затравленный и измученный, и нет переднего зуба, он пытается что-то сказать. А около его мальчик, похож на Сашу Андреева, сын А. С. Лурье. И только этот мальчик «играет», другие с любопытством смотрят. И Гитлер, не зная, что сказать, с жадностью целует этого мальчика, и лицо его оживает.

Я говорю Бахраку: «Алерт!» И раскрыл окно: густой туман — снег. Входит консьержка без звонка. И осматривается. «В Новый Год в 15-ь», — говорит она. И я понимаю: меня погонят с квартиры.

И что же оказывается: она потеряла картдидантитэ С. П., а вот и мою потеряла. Я стою, дожидаясь очереди получить деньги. Но как я получу: у меня нет картдидантитэ? «Да подождите, — говорят, — куда вы суетесь». А я и суюсь-то, п<отому> ч<то> не знаю, что делать.

* * *

16–17 II 1952

У Бунина. Он лежит нарядный. Я говорю: «Наш великий!» И думаю: неужто он верит? И мне его жалко: вижу, он поверил.

* * *

14–15 IX 1952

В открытое окно: перед домом помойка и дальше роют — старую засыпят. Надо закрыть окно: известь ест глаза. Я в другую комнату к С. П. предупредить. Она только что поднялась и сидит на кровати. Я вышел на кухню: мне надо проверить «В сырых туманах». Окончание я запекаю в хлебе. Да удобно ли так — рукопись в «Нов<ом> жур<нале>» — если я пошлю еще в сборник? Единственный экземпляр. И выхожу в сени. И вижу, приближается Н. В. И вот она тут — в шубе, долгое путешествие. И узнаю: ей передал Бердяев, Лежнева арестовали. И я понимаю: мне ехать не следует*.

* * *

8–9 XI 1952

— В далекой земле певучей — страна неслыханных чудес и чудесной жизни —

— Да, это моя родина, — отвечает мне голос.

* на полях против записи помета Ремизова: «получил письмо».

И я снова слышу свои слова — о далекой земле. А в глазах заря — закат — даль, оранжевые пески.

* * *

4–5 I 1953

Два рассказа. Расположены один за другим в виде футляров. В первом трухлявая деревяшка, во втором электрический механизм.

Мне бы надо раскрыть содержание, но я не трогаю, я только смотрю и чувствую, скучные рассказы.

* * *

24–25 I 1953

Меня выслали в Астрахань. Ссылка заключается в том, что я лежу на кровати и у меня, как книга, большая сушеная рыба размера — лещ. Кроме меня попал в ссылку А. Ладинский: ему непривычно. И он все время подымается со своей кровати. А в глубине комнаты, как паучиха, в углу Вельтерша.

* * *

16–17 III 1953

Попал к великим. Один со змеиным ртом в черном с бриллиантовыми запонками — покровительственно. Он стоит. А другой сидит — людоед. Он посадил меня на колени, расставив ноги. И я узнаю, да это Сталин. Иду в очереди к гробу. Хоронят священника о. Василия. Лицо закрыто, как у священников. Я поцеловал золотой крест.

* * *

12–13 IV 1953

Плыву. Удивительный сон.

Но не человеком плыву, а кораблем. Глазами мачт я наблюдаю — со мной плывут волны.

И все блещит.

* * *

11–12 VIII 1953

Rue d'Auteuile. От Eglise d'Auteuile шкапы с книгами. Высота как дом 6-bis. От Eglise d'Auteuile вышел Eluard, на нем осеннее пальто. Молча, он вошел в книги. А я подумал: осень — и поднялся за ним. Я различаю среди книг: в переплете Карамзин. История государства Российского. А вот Д. В. Философов. Я ему говорю: все эти книги живы, они разбрелись по улице и по встречам можно написать «историю русской литературы».

* * *

<Недатированная дневниковая запись декабрь 1953>

Когда-то я говорил себе: что ж! но со мной останется книга. А теперь, когда я не вижу строчек, а не различая, возможно ли писать? Боюсь, что нельзя. И подо мной выскальзывает укрепа. Я в воздухе. Легкое прикосновение без труда швырнет и не было средств <предложение оборвано. — А. Г.>.

Никитин спросил, что я пишу?

Да ничего на тему, только эти сны и письма. Жанр сновидений и эпистолярный да запись «чудес в решетке» — их не так много. Не могу выйти на широкую дорогу, терплю испытания. Было б совсем другое, если бы я мог читать.

Проверить слово по словарю трудно, а тексты неясной печати совсем недоступны.

* * *

Параллельно записи 11–12 XI 1953

Сегодня хоронят Бунина. Ложась, подумал, для меня давно он был не живым, а из истории русской литературы. И даже когда он на кухне, разгребаясь в истории же, ругал Достоевского и ближайших: Горького, — этим он хотел сказать, не они, а я.

То, что он ругал Горького, это еще куда ни шло, но Достоевского, не имея и доли его гения, — было мне очень тягостно.

И сегодняшней сон — я иду по козам — со страницы, перелистывая, на страницу.

* * *

1–2 V 1954

Проверяю по моей рукописи сны Пушкина: при верстке пропустили и все спутали. <1 нрзб.> меня изводящая: слепой — не разбираю строчек, а только отдельные слова. Слова оказываются — в первый раз слышу.

Беспомощно увязая в буквах.

* * *

26–27 V 1954

Я не встречал Сталина, знаю по портретам и рисунку Пикассо. И как однажды по смерти Сталина вижу великана, полулежит. Я понял, умирает. И он со мной ласково простился.

Из соседней комнаты волчком показалась фигурка — дочь Сталина, а за ней в ветхом истлевшем платье — жена Сталина: на ее лице ужас. И не от того, что умирает Сталин, а что дочь превратилась в волчок — кружится и не может остановиться.

* * *

5–6 I 1955

Комната битком — писатели. Кого только нет. Больше мертвых. И вдруг появляется З. Н. Гиппиус. Я знаю, она сыла год в тюрьме. Она тоньше, чем была в жизни. — Окостенела.

* * *

12–13 X 1955

Большая тетрадь с моими рисунками. Рисунки черным, на последней странице абстрактные конструкции, не наклейки, а рисунки. Цвет выступает из треугольников, и цвет не внешний, а наливной.

Это последняя моя тетрадь.

Елена Обатнина (Санкт-Петербург)

«КУКХА» А. РЕМИЗОВА: ОПЫТ ИСТОРИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Среди книг Ремизова, особое место занимает «Кукха. Розановы письма» (1923) — уникальный образец философско-эротической прозы. Несмотря на свой небольшой объем, до начала 2000-х гг. книга переиздавалась лишь однажды (в 1978 г.), в репринтном исполнении американского издательства «Серебряный век». Первое научное издание было предпринято нами в рамках Собрания сочинений писателя (Т. 7. М.: Русская книга, 2002). В настоящее время текстологическое обоснование принципов воспроизведения и расширенный вариант комментариев осуществлены в издании для серии издательства «Наука» — «Литературные памятники».

История создания текста начинается летом 1922 г., когда писатель вместе с женой, после отъезда из России обосновался в берлинском районе Шарлоттенбург. «А сейчас собрал письма В. В. Розанова, — сообщал он Л. Шестову 30 июня, — хочу память свою написать / попробую, что будет...»¹ Основная работа была завершена к февралю 1923-го. Весной 1923 года Ремизов дважды представлял свое произведение на вечерах чтения в Берлине. Наконец, в начале июля в парижском трехмесячнике «Окно» (Вып. II) текст под названием «Розанова письма», с датировкой: «10. 2. 23. Charlottenburg», увидел свет². Однако эта публикация не поставила точку в работе Ремизова над своими воспоминаниями.

Благодаря корреспондентам писателя в России, петроградский журнал «Жизнь искусства» в середине лета информировал читателей: «А. М. Ремизов, написавший рассказ “Розановы Письма”, появляющиеся в непродолжительном времени во 2-ом номере трехмесячника “Окно”, работает над *завитушкой* “Из Розанова”, являющейся дополнением к указанному рассказу»³.

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации» (2009–2011).